

Зиновий Корогодский,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
главный режиссер Ленинградского ТЮЗа

Я вам пишу...

Закрылся занавес, отзвучали последние аплодисменты — зрители расходятся. Одни оживленно разговаривают, другие напряженно молчат, кто-то останавливается около стенда с фотографиями или около афиши с репертуаром... Каждый, уходя из театра, уносит с собой только что увиденный спектакль и хочет сохранить его в памяти, обогатить собственный опыт причастностью к чужой судьбе, боли и радости. Мы верим, что с нашими зрителями происходит именно так. Но бывает, что спектакль проходит мимо, не затрагивая глубоко, и тогда его забывают сразу же, за порогом театра. Для меня это всегда повод для размышления, и не думать о том, с каким впечатлением и настроением уходят юные зрители из театра, нельзя, потому что обольщаться в нашем деле опасно. Обольщение собственными успехами заглушает энергию, необходимую для того, чтобы диалог театра со зрителем обязательно состоялся.

Я люблю во время спектакля входить в зрительный зал. По каким-то едва уловимым сигналам чувствуешь возникшую в нем атмосферу или расположенности, единения с тем, что происходит на сцене, или вежливого внимания, а иногда и попросту вежливого равнодушия и даже неприятия. Актеру нужно иметь что-то вроде «абсолютного слуха», чтобы услышать дыхание зрительного зала. Он, как тысячеликое существо, замирает, чтобы в следующий миг взорвать тишину смехом или аплодисментами, и потом снова затаится в напряженном ожидании.

Всматриваюсь в лица и хочу понять, что привело этих ребят в театр, чего ждут они от сегодняшнего общения — развлечения или встречи с искусством?

Закончился спектакль, швейцар затворил двери театра... А я иду по уже затихшему зданию, прохожу по темной сцене, закрытой железным занавесом от зала (мера противопожарной безопасности), поднимаюсь к себе в кабинет. Это позднее время — для себя,

для раздумий, для ответов на письма. Их много, самых разных от школьников, студентов, учителей, родителей, моих учеников, которые работают в театрах разных городов страны...

Каждый раз, вскрывая конверт, испытываю волнение: что в нем, о чем расскажет очередное письмо, чем порадует или встревожит, о чем заставит задуматься?

Письма, ответы на них — это продолжение разговора со зрителем, разговора, который либо вызван конкретным спектаклем, либо вообще интересом к искусству.

Итак, я вам пишу...

«Уважаемый Зиновий Яковлевич! Когда я бываю в театре, то часто вижу Вас на спектаклях. Много раз хотел подойти, да все не решаюсь. Я люблю театр давно, с самого детства, но не могу до конца разобраться в самом себе: что могу и что хочу. Мне 17 лет, и я должен выбрать, кем стать. Мечтаю быть режиссером, а вдруг не получится? Скажите, пожалуйста, за что Вы любите театр? Может быть, это поможет мне понять себя?

Простите, что беспокою Вас, но поверьте, это важно для меня. Заранее спасибо. Андрей В.»

Прочел письмо, и оно вызвало недоумение и даже беспокойство. Юный человек стоит на пороге взрослой жизни, к которой он, кажется, совсем не готов. А потом подумал: может быть, сомнения Андрея и есть начало его зрелости, и он ждет от меня не совета, а доверительного разговора? Но как, не впадая в банальность или высокий стиль, рассказать о том, что любишь, что составляет содержание и смысл всей твоей жизни?

В семнадцать лет я, пожалуй, так же, как Андрей, мог сказать, что люблю театр с самого детства. Из всех игр наиболее увлекательной была игра в театр. Сначала театр был под столом, когда скатерть заменяла занавес, потом в узком длинном коридоре большой коммунальной квартиры, который был и сценой и залом. И, наконец, «настоящий театр» — в сарае, с афишей и даже билетами.

Прошли годы, за плечами многолетний опыт профессиональной работы, но мне и сегодня не кажутся эти игры пустой детской забавой. Они были как бы первыми уроками, на которых мы сами открывали для себя тайны театра. Наброшенный на плечи мамин халат превращался в плащ, а простая палка в шпагу, — и ты уже не просто мальчишка, а отважный мушкетер, который, верный дружбе, вступает в борьбу за честь королевы, — другая осанка, выправка, откуда-то берутся нужные слова, чтобы спорить, убеждать, доказывать правоту своего героя. В эти мгновения ты — это он, а он — это ты...

Бережно
С ним-то
волшебство
всегда.
Всяк
лишь
шей
кол
и
че

ных разных
их ученико
то в нем,
встрео-
арита-
либо

Бережно храню в себе и память о первых встречах с театром. С ним связано особое волнение, будто прикоснулся к чему-то волшебнo-загадочному, что вошло потом в жизнь властно и навсегда.

Всякая любовь требует от человека безраздельности, «одной лишь думы власть»... Театр требует любви, может быть, даже большей, чем любое другое дело, потому что его искусство творится коллективно. И боль, тревога, радость, с которыми мы живем и работаем, насыщают театральную атмосферу таким богатством человеческих настроений, которое редко где встретишь.

Жизнь в искусстве вообще требует подвижничества, даже если человек один на один находится с холстом, листом нотной бумаги или за пишущей машинкой. В театре же надо подчинить себя суровым законам «картельного» творчества. Не всякий способен на это. И вот тут-то помогает любовь к театру, когда человек думает, что это — единственный путь в его жизни, другого не дано. Сомнения отходят на второй план. Мобилизуются воля, энергия, чтобы смочь, одолеть, осилить.

Вспоминаю своих учеников. Многие из них стали хорошими артистами. Но есть и такие, кто не смог реализовать свои способности, воплотить их в деле. Думаю, что это происходит, когда на пути молодого человека встречаются реальные шипы, а не ожидаемые им розы. Человеку со стороны профессия артиста, режиссера кажется соблазнительной, сулящей легкий успех, потому что зритель не ведает о тяжелом, подчас изнурительном труде, отданном за право выйти на встречу с ним. О сладких муках творчества говорят только те, кто не испытал их горький вкус. И все-таки за это право борются, и завоевать его можно только масштабом личности, энергией мысли и чувства.

Издавна театр называют кафедрой, с которой «можно сказать миру много добра». Но для того чтобы быть услышанным, нужно прежде самому услышать позывные времени — его боль, страдания, радость, понять, что рождает их. В этом великая миссия театра, и счастлив художник, сумевший своей работой заставить зрителей задуматься о себе и своем времени.

Одна из последних работ театра над повестью Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр» посвящена 35-летию победы над фашистской Германией. Нам хотелось рассказать сегодняшним мальчикам и девочкам о нелегком мужании их сверстников, об испытаниях, которые выпали на долю вчерашних школьников. О том, как наивные представления мирного времени о любви, дружбе, подвиге жестоко разрушаются буднями войны, где все измеряется ценою жизни — совесть и долг, правда и ложь.

«Экстремальные обстоятельства, в которые поставлен человек на войне, — говорит Булат Окуджава, — позволяют размышлять на более широкие, вечные темы — нравственные и философские...»

Не скрою, нас очень волновало, как воспримут наши «размышления» те, кто знает о войне только из учебника истории. Мы старались напомнить, что человек без памяти, без чувства сыновней благодарности к тем, кто отдал свою жизнь за то, чтобы он ходил, дышал, видел солнце, перестает быть человеком...

На спектаклях нас несколько насторожила реакция зрителей. Она была скрыта молчанием, тишиной. Зал вставал и после некоторой паузы расходился. И все. И все?..

Тогда возникла своеобразная анкета, которая, мы надеялись, поможет нам понять восприятие тех, к кому был обращен спектакль. Ответы на вопросы были взволнованны, содержательны и интересны.

— Что вас волнует в судьбе школяра?

...Переход из мальчугана в мужественного человека... Незащищенность детства, юности от убийства... Каким он выйдет из войны... Мужание солдата и прощание с детством... То, что ему плохо без мамы... Стойкость школяров...

— Что нового в рассказе о войне открыл вам спектакль?

...Война — это тяжелая и трудная работа... Ее реальность... Война жестока — я особенно почувствовала это в спектакле... На войне бывшие мальчики мужают, крепнут духом... Воевали мальчики и девочки, а не только взрослые... Противосестественность войны...

На обороте многих анкет были написаны слова благодарности театру за открытие произведения, которое так искренне, без ложного пафоса рассказывает о героическом начале в человеке.

Не знаю, удалось ли мне хоть в малой мере объяснить, за что я люблю театр, но надеюсь, что мои размышления помогут Андрею решить свою задачу, перед которой он стоит, полный сомнений.

Перебирая письма, встретил стихи Поли Н., которые она прислала в Международный день театра. На конверте цветными фломастерами написано: «Всему коллективу с благодарностью».

Как тот герой на перепутье,

Я перед выбором стою.

Дорогу отыскать свою

В 15 лет не просто будет.

Мне снится сцена —

Это часто приходит девочкам во сне,

Но не спектакли снятся мне,

А труд тяжелый и бесценный.

авлен челове
размышлять
ософские...»
«размыш-
Мы ста-
ыновней
ходил,
елей.
ко-

Когда весь свет сошелся клином
На тот квадрат, где жизнь своя!
Где плачут, слезы не тая,
И там, где кровь порою стынет.
 Да, это очень нелегко!
 Об этом я прекрасно знаю,
 И все ж о сцене я мечтаю,
 Хоть это очень далеко!

В этом письме художественные достоинства стихов не главное. В них угадывается человеческий талант — есть такой! — способность страстно мечтать и готовить себя к трудному осуществлению своей мечты. Может быть, эта девушка, действительно, станет артисткой, но если даже не станет, то она, я верю, отыщет свою дорогу в жизни и состоится как личность, потому что в ней жив неутоленный голод творчества. Но разве не с таким же дерзким чувством — непременно победить, которое свойственно молодости, приходят абитуриенты к дверям театральных вузов?

Вспоминаются дни набора в студию театра. Когда иду на консультации, на экзамен, всегда вижу просящие взгляды: «Ну, посмотрите, обратите внимание, запомните — это я». У каждого из этих ребят решимость огромная, желанию, кажется, нет предела, они готовы горы свернуть, только дай возможность. А вот когда приходит эта долгожданная возможность, то выдюжить, выдержать может не каждый. Одним не хватает работоспособности, трудолюбия, другим терпения, умения ждать. Если бы на вступительных экзаменах можно было определить меру творческой стойкости и человеческой прочности, то огорчений и разочарований, неоправданных надежд было бы меньше. Порой принять в студию бывает опаснее, чем отказать. Всегда волнуешь в эту пору испытаний. Не могу и не хочу терять этого волнения, оно обостряет чувства, помогает лучше понять молодого человека, его стремления, мотивы выбора профессии. И даже когда, казалось бы, многое говорит за то, чтобы взять, все равно не покидают сомнения. Но нет учебника, в конце которого можно было бы свериться с точным ответом. Обнаруживает ошибку, если она была допущена, только время. В чем же можно обмануться, ошибиться? Думаю, что не в том, одарен ли человек, не в определении способностей к овладению профессией артиста, а в направленности личности, в ее творческом потенциале, который определяется не только отношением к искусству, но и к жизни в целом.

За долгие годы работы в театре и в театральном институте передо мной прошло множество актерских и режиссерских судеб. Не могу думать о них отстраненно, ведь ученики — это всегда дети и в каждого из них вложена частица тебя самого. Поэтому их

победы — это твоя радость, их неудачи — это и твоя горе. А может, в чем-то и вина? Что-то недосмотрел, не предугадал, чему-то не доучил... В каждом отдельном случае, когда пытаюсь понять, чему именно, то думаю не о навыках профессии, а о человеческих достоинствах и недостатках.

Вот сейчас душа болит за одну мою ученицу, которая, как говорится, начала звездно: снимается в фильмах, активно занята в репертуаре. Но выдержит ли она это нелегкое испытание славы, сохранит ли верность дому? Дело не в том, останется ли она в нашем театре или по воле случая выберет другой путь. Вопрос гораздо глубже и серьезнее. Изменяя корням, творческому началу, человек изменяет себе, своим художественным и нравственным убеждениям, а это непременно сказывается на профессии. Жизнь много дала примеров преждевременно угасших «звезд». Не хочется думать, что артистка, о которой я говорю, может оказаться в их числе. Смогли же защитить себя от искуса «легкого» успеха наши артисты Антонина Шуранова, Ирина Соколова, Николай Иванов, Александр Хочинский, Игорь Шибанов... Сегодня они опора театра, мастера, которые своим примером учат молодое актерское поколение и сами продолжают учиться.

Это движение вперед и отличает творческого человека от обывателя, который довольствуется малым.

Убежден, что любая встреча с талантливыми людьми, чем бы они ни занимались, несет радость и запоминается надолго.

...Вспоминаю, какое сильное впечатление произвела на меня однажды посадка самолета, которую я наблюдал, находясь в кабине. Летчики нажимали какие-то кнопки, передвигали ручки и рычаги, но все это делалось так слаженно и так вдохновенно, что было похоже на спектакль. Пожалуй, это был один из лучших спектаклей, которые я видел. Более того, у меня возникло ощущение, что я не со стороны смотрю, а участвую в самом действии.

Этот пример пришел на память в связи с размышлениями, очень важными для меня: как и когда происходит подлинная встреча театра со зрителями? От чего она зависит? Только ли театр ответствен за нее? Можно ли представить спектакль, который бы шел в абсолютно пустом зале и артисты играли для самих себя? Конечно, нет, потому что спектакль возникает от соединения двух энергий: артиста и зрителя. Творчество артиста питается сотворчеством зрителя. Быть зрителем — тоже умение, и не малое.

«Смотрел с сыном спектакль „Весенние перевертыши“. Он ровесник Дюшки Тягунова — героя спектакля. Признаюсь Вам, как впервые признался себе, что я не знаю, какой он, мой сын: добрый и отзывчивый, как Дюшка, или жестокий, как Санька Ераха?

...и твое горе. А... предугадал, чем...
...да пытаюсь пон...
...и, а о человеке...
...которая, как...
...но занята...
...е сле...
...она...
...ос...

...мся, в нем есть и то, и другое, а вот что победит и от чего
зависит — вот вопрос?

Скажите, пожалуйста, повлиял ли Ваш театр на чью-нибудь
судьбу? Если не конкретно, то как вообще, по Вашему мнению,
влияет театр на биографию человека?

Николай Павлович В., механик».

Разноречивые чувства вызвало это письмо. Наверное, я мог бы
рассказать о судьбах наших зрителей, которых мы наблюдаем на
протяжении многих лет их дружбы с театром. Я всегда с радо-
стью встречаю в зале тех, кого помню с детских лет, со многими
из них переписываюсь. Однако самый доказательный рассказ
о чьей-либо биографии, измененной в процессе взаимодействия
с искусством, не сможет убедить никого, если нет веры, что искус-
ству подвластно формирование человеческой души. Я-то в этом
убежден. Возможно, я заблуждаюсь, но это счастливое заблужде-
ние делает мою жизнь наполненной смыслом, тем, ради чего я
живу и работаю. Я верю, что человек, полюбивший искусство,
театр, приобретает к самым необходимым нравственным ценно-
стям. Он будет любить дом, землю, будет помнить добро, на-
учится осознавать свой долг.

Но нельзя от встречи с театром ждать сиюсекундного эффекта:
вчера посмотрел спектакль, а сегодня или завтра стал совсем дру-
гим — хорошим и добрым. Это совсем не просто — стать «хоро-
шим». Верным спутником человека на этом пути должно быть
искусство как духовная потребность.

Снова перечитываю письмо.

Что бы мог я пожелать своему адресату?

Я представил себе, как отец с сыном вышли вместе из театра,
но каждый из них думал о своем. Возможно, они разговаривали,
а может быть, молчали. Но в их отношения вошли Дюшка, Минька
со своей болью за несложившуюся жизнь матери и отца, Никита
Богатов, который мучительно ищет то единственное слово, которое
могло бы дойти до сердца каждого человека. Мне захотелось
успокоить Николая Павловича и сказать ему самые простые слова:
театр хотел бы стать вам надежным помощником в ваших отноше-
ниях с сыном, и тогда через несколько лет, когда он вырастет, вы
сами сможете ответить на вопрос, который задали мне. Но это
будет не простой ответ, а добытый жизнью опыт всегда нелегких
отношений со своим ребенком, будь ему десять, пятнадцать или
даже двадцать лет.

Чтобы не быть голословным, процитирую письмо ученицы
7-го класса Наташи С., которая поделилась своими впечатлениями
о спектакле «Весенние перевертыши». Возможно, оно поможет
моему адресату лучше понять своего сына? «Почему так трудно

жить? Мир огромный, в нем много самых разных людей: добрых, честных, умных, но есть глупые и злые. Все они живут, но только по-разному, Дюшка Тягунов живет открыто. Сколько неудач, бед на его голову! Ведь он же не гений, чтобы жить без ошибок. Дюшка хочет, чтобы не было на свете жестоких. Мне кажется, что Дюшка стал человеком, когда вступился за своего друга Миньку. Спектакль говорит людям: „Не будьте равнодушными, старайтесь понять друг друга. Будьте добрыми, и тогда на земле будет меньше зла“».

Искусство, адресуясь к сердцу, учит добру и мужеству. Меня часто спрашивают: как вы выбираете темы, на которые можно говорить с юными зрителями? Всегда обескураживает сама постановка вопроса. Уверен, что говорить со зрителем можно обо всем, но только так, чтобы пробиться к сердцу, пробудить его к состраданию. Не скрою, в последние годы это сделать все труднее и труднее. Думаю, что в этом не вина современных молодых людей, а их беда. Слишком долго они остаются инфантильными. Но ведь право быть взрослым не выдается вместе с паспортом, его надо завоевать, доказать делом, а не разговорами.

В репертуаре нашего театра есть спектакль по пьесе Валерия Аграновского «Остановите Малахова!» — о судьбе трудного подростка, который в шестнадцать лет оказался на скамье подсудимых. В процессе работы мы старались как можно лучше узнать этих «трудных» подростков, чтобы не только понять их, но и достоверно, без прикрас и преувеличений, показать «нашего Малахова». Были в колонии для несовершеннолетних правонарушителей, встречались с работниками детской комнаты милиции. Странные чувства овладевали нами: жалость и гнев одновременно. Что искверкало жизнь этих ребят? Почему не хватило сил противостоять злу? Кто виноват в том, что эти мальчики с бритыми головами оказались у «опасной черты»? Вопросов было много, а ответить на них должен был спектакль. Услышит ли нас зритель, разделит ли нашу боль и тревогу?

Письмо Игоря К., ученика 9-го класса:

«На сцене четкие ряды стульев, прямые лучи прожекторов и сирена, оглушительная и продолжительная, которую колонисты слышат семь раз в день. Это не рассказ о кражах и грабежах, а разговор о парнях, которые оказались за решеткой. Это разговор-исследование, попытка ответить на вопрос: „Откуда в наше время берутся преступники?“ Вокруг Андрея Малахова образовалась стена из бездушных людей. В семье не было доверия, не было „натуральных чувств“, как говорит Антон, сын журналиста, ведущего исследование. Я с ним согласен, так бывает. В школе над Андреем смеялись, потому что он шепелявил. Не нашлось никого,

ных людей: добры бы помог ему. А девочка, которая могла бы остановить, по-
лько живут, но только предала. Понимает ли она, в чем виновата? А у Андрея
без неудач, без хватило воли, характера, чтобы разорвать паутину, которую
кажется, что сплели вокруг него дружки из „сходняка“.

После спектакля задумываешься о собственной жизни, огляды-
ваешься назад. Со мной тоже такое могло случиться. Страшно
становится: думаешь и вспоминаешь, вспоминаешь и думаешь...
Меня поразила тишина зала после спектакля. У всех были такие
лица!»

И как продолжение этого письма другое — от Светланы И., пят-
надцати лет.

«Этот спектакль о том, как мы, сами того не замечая, можем
погубить человека. Так ведь это было с Андреем. Главное — не
замечая. У нас в классе тоже был парень, который куда-то исчез.
Мы даже не знаем, где он, хотя догадываемся. Но как-то все
забыли про него — и все. Так легче жить — не помня. Но ведь
стыдно. Я это поняла после спектакля. А что теперь можно сде-
лать? Запомнить впрок?»

Редкое и дорогое это свойство человеческой памяти — помнить
впрок. Наверное, письмо этой девушки, пусть косвенно, но может
ответить на вопрос: как влияет театр на биографию человека?

Все десять школьных лет мы пробуждаем в юном человеке
талант быть зрителем, понимать язык и законы драматического
искусства, видеть не только сюжет, но чувствовать жанр произве-
дения, его стилистику. Я вижу в пробужденной эстетической чут-
кости подростка гарантии нравственной, духовной зрелости.

Театр поможет иному человеку понять все многообразие окру-
жающего его мира, почувствовать ответственность за свою судьбу
перед обществом, близкими, друзьями. В это хочется верить, ради
этого мы живем, этому мы служим, отдавая свою жизнь день за
днем. Каждая встреча со зрителем — бой за него, за все лучшее,
что в нем есть, что должно быть.

Вспоминаю лица тех, кого видел сегодня в зале. Захотят ли
они прийти к нам еще и еще раз, откликнутся ли на увиденный
спектакль? Буду ждать писем и отвечать на них... Я вам пишу,
потому что живу верой в предназначение Театра Детства, Отро-
чества и Юности.